

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

«Studii și cercetări lingvistice», I—X.—București, 1950—1959 (Academia Republicii Populare Române. Institutul de lingvistică).

Журнал «Studii și cercetări lingvistice» («Лингвистические очерки и исследования») является органом Бухарестского института языкознания Академии наук Румынской Народной Республики и издается с 1950 г. (с 1957 г. — четырьмя выпусками в год; до этого выходили ежегодно по два полтома, то один том). Журнал предназначен для языковедов: на его страницах обсуждаются вопросы фонетики, лексикологии, грамматики и словообразования румынского языка, вопросы общего языкознания, литературного языка, румынско-славянских лингвистических связей и др. В настоящем обзоре будут рассмотрены наиболее важные работы, помещенные в журнале за время его существования.

В области фонетики наибольший интерес представляют работы, посвященные фонологической системе румынского языка; они принадлежат главным образом перу академиков Э. Петровича и А. Росетти — представителям двух противоположных, взаимноисключающих взглядов на фонологическую систему румынского языка. Основываясь на результатах исследований акад. Э. Петровича, установившего экспериментальным путем, что конечное румынское *i* представляет собой не обозначение определенного звука, а является лишь указателем мягкости предшествующего согласного¹, академики А. Росетти и А. Граур в свое время пришли к выводу, что противопоставление твердых и мягких согласных в румынском языке наличествует только в конце слова, где в определенных случаях смягчение конечного согласного имеет смысловозначительное значение. В дальнейшем, однако, акад. Э. Петрович выдвинул положение о наличии в румынском языке в любой позиции в слове мягких (1950, fasc. 2) и лабиализованных согласных (1952, t. III, статья «Взаимоотношение тембров округленных и неокругленных согласных в румынском языке»), что привело его к отрицанию

наличия в румынском языке в качестве самостоятельных фонем дифтонгов *ia* (графически изображенного через *ia*, *ea*), *iu* (графически изображенного через *iu*) и *io* (графически изображенного через *eo*, *io*), а также дифтонга *oa* и трифтонга *eo(aioa)*; он считает, что в первом случае имеется налицо «мягкий согласный + *a* (*y*, *o*)», во втором случае соответственно «лабиовеляризованный согласный + *a*» и «лабиопалатализованный согласный + *a*». В тех же случаях, когда так называемые дифтонги *ia*, *iu*, *io*, *oa* стоят в начале слова или слога, то первым их элементом следует считать согласный звук, соответственно *j* и *w*.

В ответной статье «Несколько вопросов фонетики румынского языка» (1954, t. V, № 3—4) А. Росетти, возражая против выдвинутых Э. Петровичем положений, указывает, что наличие мягких согласных внутри слова характерно лишь для отдельных говоров, но не для румынского общенародного литературного языка; оспаривая утверждение Э. Петровича о наличии конечных лабиовеляризованных согласных, А. Росетти считает, что в действительности в результате взрывного произношения конечных согласных в некоторых говорах в конце слова возникают краткие гласные *u*, *e*, *i*, причем явление это представляется сравнительно новым в языке.

На страницах журнала за 1955 и 1957 гг. помещены результаты проводившихся в 1954—1956 гг. исследований дифтонгов *ea* и *oa* группой сотрудников Лаборатории экспериментальной фонетики Института языкознания АН РНР под руководством А. Росетти; исследования проводились сначала на материале электрографической записи, а затем на материале фонограмм, что позволило применить метод пересадки звуков; пересадка подтвердила полученные ранее данные на материале электрографических записей: первым элементом дифтонгов *ea* и *oa* являются соответственно гласные *e* и *o*; это самостоятельные краткие гласные звуки, которые при пересадке в другое слово воспринимаются как обычные *e* и *o*.

Э. Петрович в статье «К вопросу о фонемах румынского языка» (1955,

¹ E. Petrovici, Le pseudo-*i* final du roumain, «Bulletin linguistique», II, București — Paris, 1934, стр. 86—97.

t. VI, № 1—2) утверждает, что дифтонги румынского языка в действительности представляют собой дифтонгоидные гласные, являющиеся позиционными вариантами соответствующих недифтонгоидных гласных; фонематическое же различие существует между твердыми и мягкими согласными.

В статьях, опубликованных в 1956 г., спорящие стороны как бы подводят итоги своих исследований. Э. Петрович в статье «Система фонем румынского языка» (1956, t. VII, № 1—2) приходит к выводу, что в системе фонем румынского литературного языка имеются четыре класса согласных фонем («нейтральные», палатализованные, лабиовеляризованные и лабиопалатализованные), только пять гласных фонем (*a, o, u, ä/e, i/i*) и вовсе нет дифтонгов; звуки *e* и *i* являются позиционными вариантами фонем *ä* и *i* после палатализованных согласных; однако они проявляют стремление к превращению в самостоятельные фонемы в связи с тенденцией общенародного литературного языка к произношению твердых согласных перед *i* и *e*, а в начале слов — под влиянием западных романских языков, из которых заимствовано румынским языком немало слов с начальными *e* и *i*. Автор считает, что описанная им система фонем румынского языка оформилась под влиянием славянских говоров территории к северу и к югу от нижнего течения Дуная, в результате чего образовалась система фонем, отличная и от других романских языков и от славянских языков.

Возражая Э. Петровичу, А. Росетти в статье «О фонологической системе румынского языка» (1956, t. VII, № 1—2) отклоняет тезис о существовании в румынском языке корреляций «твердый согласный — мягкий согласный» и «лабиализованный согласный — нелабиализованный согласный» и оспаривает обоснованность установленной Э. Петровичем системы гласных фонем; он отмечает, что чередования звуков *ä/e* и *i/i* не засвидетельствованы в румынском языке. Затем автор доказывает необоснованность положения о том, что в румынском языке отсутствуют дифтонги, так как в древних румынских текстах, использующих кириллицу, дифтонг *ea*, например, передается буквой *ѣ*, обозначающей определенный гласный звук, а не качество предшествующего согласного. К тому же, наличие дифтонга *ea* в ударном слоге обусловлено качеством гласного следующего слога. Так, в текстах XVI в. встречается противопоставление *ea — e*: ед. число *leăge* «закон» — мн. число *legi*. Автор приходит к выводу, что в румынском языке существует определенная закономерность во влиянии качества гласного следующего слога на гласный предшествующего слога. Что касается системы гласных фонем румынского языка, то она состоит из семи гласных без количественных различий: *a, o, u, î, i, ä, e*, полугласных *î, ɥ, ɣ* и из ряда дифтонгов, в том числе *ea* и *oa*; система согласных состоит

из 20 фонем, из которых 15 имеют палатализованный вариант в конце слова.

Рассмотрению системы фонем румынского языка посвящена также статья венгерского ученого Т. Тамаша «К вопросу о системе фонем румынского языка» (1956, t. VII, № 2—4), который присоединяется к выводам А. Росетти и А. Граура.

Полемика между Э. Петровичем и А. Росетти продолжалась на страницах журнала и в 1957 г. Однако следует отметить, что некоторыми фонетистами уже с 1956 г. высказывались соображения, ставящие под сомнение исходное положение спора — общепринятое положение о наличии в румынском языке конечных мягких согласных. А. Аврам в статьях «К вопросу об изучении фонологии румынского языка» (1956, t. VII, № 3—4), «Образование соотносительности согласных палатального тембра в румынском языке» (1957, t. VIII, № 1) и «Румынские полугласные в фонологическом отношении» (1958, t. IX, № 1) и Э. Вассилу «О соотносительности в смещении согласных в румынском языке» (1957, t. VIII, № 1), исходя из положения А. Маргине о том, что два следующих друг за другом звука являются наверняка различными фонемами лишь в том случае, если при замене каждого из них другим звуком (включая ноль) получается другое слово², приходит к выводу, что в румынском языке не существует, вопреки общепринятому мнению, противопоставления твердых и палатализованных согласных в конце слова: конечные палатализованные в действительности представляют собой сочетание твердого согласного + полугласный *î*, являющийся некоей разновидностью *ɣ*. Таким образом, вопрос о фонологической системе румынского языка остается нерешенным, причем ждет решения целый ряд спорных вопросов.

Вопросам фонологии посвящены также статьи А. Росетти «О фонетике и фонологии в свете диалектического материализма» (1954, t. V, № 1—2), «К вопросу о фонеме» (1956, № 3—4) и «О значении славянской буквы *ѣ* в наиболее древних румынских текстах» (1959, t. X, № 1), Э. Вассилу «Фонологические чередования с точки зрения управления» (1955, t. VI, № 1—2) и «Еще раз о фонологических чередованиях в румынском языке» (1956, t. VII, № 1—2) и др.

Статья В. Шутеу и Г. Аблашей «Новые способы исследования в области экспериментальной фонетики» (1959, t. X, № 3) посвящена описанию и изложению принципа работы двух аппаратов для изучения звуков языка — фильмографа и фильмофона, задуманных и сконструированных в лаборатории экспериментальной фонетики Бухарестского института языкознания. Фильмограф превращает звуковые вибрации в световые

² A. Martinet, Un ou deux phonèmes?, «Acta linguistica», vol. I, fasc. 1, 1939.

раздражители, отмечающиеся на кинолентке, а фильмофон служит для прослушивания, выделения и исследования звуковых вибраций, зарегистрированных фильмографом.

Н. Ш т е ф а н в статье «Новая часть речи в русской и румынской грамматике — категории состояния» (1955, т. VI, № 1—2), охарактеризовав категорию состояния на основе русской лингвистической литературы и, в частности, работ акад. В. В. Виноградова, делает впервые попытку выделить ее в системе частей речи румынского языка.

И. К о т я н у в статье «К вопросу о месте артикля в румынском языке» (1956, т. VII, № 1—2) выдвигает гипотезу, что возникновению постпозитивного артикля в румынском языке способствовало сохранение в нем, в отличие от западнороманских языков, формы косвенного падежа: постпозитивный артикль возник в группе «существительное + существительное (в родительном или дательном падеже)», где окончание родительного падежа притянуло к себе артикль наподобие того, как в западнороманских языках притянул его к себе заменивший это окончание предлог.

Вопросу о среднем роде существительных посвящены статьи Г. Пивнеску «Судьба среднего рода классического латинского языка в народной латыни и в романских языках» (1957, т. VIII, № 3), А. Росетти «Средний род в румынском языке» (1950, fasc. 2) и «О среднем и личном роде в румынском языке» (1957, т. VIII, № 4) и чешского ученого В. Хожеши «Проблема так называемых существительных „среднего“ рода в румынском языке в связи с другими индоевропейскими языками» (1957, т. VIII, № 4). Г. И в э н е с к у защищает положение, что средний род является в румынском языке живой категорией, и соглашается с ранее высказанной А. Грауром мыслью, что в румынском языке существует стремление превращать мужской род в средний, когда речь идет о предметах неодушевленных. Однако в отличие от А. Граура, автор считает, что это стремление существовало и в народной латыни, главным образом в апенинно-балканской, где ему способствовало исчезновение конечных *-s* и *-m*, что привело к созданию единого окончания *-i* для существительных мужского и среднего рода. Соглашаясь с Мейер-Любке, автор рассматривает румынский средний род как продолжение среднего рода народной латыни, в которой при существительных среднего рода во множественном числе стал употребляться артикль женского рода (например, *le corna*). Исчезновение среднего рода в западнороманских языках автор объясняет не исчезновением понятия неодушевленности, а тем, что фонетическая эволюция этих языков привела к исчезновению морфем, представляющих собой окончания среднего рода (например, *-ora*).

А. Р о с е т т и отмечает, что характерной чертой среднего рода является по-

нятие неодушевленности; в румынском языке нет слов среднего рода, обозначающих одушевленные предметы (за исключением нескольких заимствований, относящихся к XIX в.). Румынский средний род не соответствует ни по форме, ни по смыслу латинскому среднему роду: он образовался в результате переформирования языкового материала румынского языка в период его балканской общности с болгарскими, македонскими и албанскими говорами. Личный род в румынском языке образуется внутри рода, обозначающего одушевленные предметы: он относится к именам лиц и олицетворенным животным, и отмечается особыми морфемами. Автор считает, что существование личного рода в старославянском, русском и польском языках также объясняется наличием в них среднего рода; причиной различия между одушевленным и неодушевленным, а внутри одушевленного — между людьми и животными, по его мнению, является стремление языка к конкретности.

В. Х о ж е ш и ^и возражает против общепринятого в румынском языкознании положения о наличии в румынском языке трех родов: мужского, женского и среднего (существительные среднего рода в единственном числе имеют форму мужского рода, во множественном числе форму женского рода); автор считает, что в румынском языке существует лишь два рода — мужской и женский: латинские существительные среднего рода, за отдельными исключениями, перешли в группу мужского рода и лишь на более позднем этапе развития языка часть существительных мужского рода по определенным смысловым признакам (в первую очередь неодушевленности) во множественном числе получила форму женского рода, образовав группу существительных «обоюдного рода»; автор отмечает, что подобные явления наблюдаются в албанском, чешском и тохарском языках.

Статья шведского ученого А. Ломбарда «Морфология румынского глагола» (1957, т. VIII, № 1) представляет собой попытку систематизации спряжения румынского языка; автор устанавливает следующие основные приметы румынского глагола: а) система окончаний, представленная окончанием инфинитива; б) отсутствие или наличие суффиксов *-ez* или *-esc* в настоящем времени; в) чередование гласных и согласных внутри корня; г) ударение внутри корня (окситонное или парокситонное)

С. С т а т и в статье «К вопросу об определении и классификации предложений» (1955, т. VI, № 3—4) определяет предложение как самую мелкую грамматическую единицу, объединенную известным образом с другими элементами сложного предложения, которая при помощи лексических средств и форм связуемости выражает субъективную или объективную реальность. Автор предлагает проводить классификацию предложений по следующим критериям: а) отношение (предложения простые, сочиненные и подчинен-

ные); б) качество (предложения утвердительные и отрицательные); в) модальность (предложения желательные, условные, повествовательные и повелительные); г) интонация (предложения повествовательные, вопросительные и восклицательные). В статье «Управляющий элемент в подчинительной связи» (1955, т. VII, № 3) С. Стати отходит от утвердившегося в румынской грамматике взгляда на предложения, определяющие имена прилагательные, как на дополнительные, считая их определительными, и выдвигает положение, что придаточное предложение зависит не от главного предложения в целом, а от определенного члена главного предложения.

В статье И. Ф и ш е р а «Некоторые вопросы словообразования в румынском языке» (1954, т. V, № 3—4) рассматриваются наиболее актуальные задачи в области изучения румынского словообразования и выявляются наиболее целесообразные методы исследования в этой области. Отмечая органическую неспособность румынского языка к образованию сложных слов, количество которых в нем, как и в остальных романских языках, крайне незначительно по сравнению с такими языками, как русский и немецкий, автор указывает на возникающие трудности в области создания научной и философской терминологии. Рассматривая префиксацию как средство словообразования, автор отмечает, что румынский язык располагает большим количеством живых словообразовательных префиксов, чем западные романские языки, что объясняется заимствованиями из славянского; при рассмотрении словообразовательных суффиксов автор высказывается за их классификацию по функциональному признаку.

В статье «Роль глагольных оборотов в словообразовании» (1956, т. VII, № 1—2) Ф. Д и м и т р е с к у устанавливает три способа образования новых слов (существительных, прилагательных, глаголов) от глагольных оборотов, состоящих из глагола и существительного (с предлогом или без него) или наречия: а) измененное грамматического значения; б) суффиксальное образование; в) словосложение. Наиболее продуктивным является первый способ.

В статье «К вопросу об изучении основного словарного фонда румынского языка» (1954, т. V, № 1—2) Д. М а к р я ставит задачу установить, в какой мере различные влияния, которым подвергался в процессе своего исторического развития румынский народ, сказались на словарном составе румынского языка. Автор использует для этой цели статистический метод: словари румынского языка А. Чихака и И. А. Кандря показывают, что в румынском языке слова, унаследованные из латинского языка, составляют около 20% словарного состава языка; по данным словаря Кандря, слова славянского происхождения составляют в румынском языке почти 17%, а заимство-

ванные из французского — почти 30% словарного состава; однако, если для слов, унаследованных из латинского языка, соотношение неизродных слов к производным составляет 1:3, то для славянских слов соотношение это — 1:2, а от слов, заимствованных из французского, на румынской почве вообще не образуется производных слов; заслуживает быть отмеченным тот факт, что в словах, общих с албанским языком (около 250), соотношение равно 1:4; это позволяет автору прийти к выводу, что указанные слова унаследованы румынским языком из фракийско-дакийского. Д. Макря подводит итог: главным элементом основного словарного фонда румынского языка является латинский элемент; вторым по значению — славянский элемент; слова же французского происхождения бытуют почти исключительно в словарном составе

Вопросам грамматики, словообразования и лексикологии посвящены также статьи Э. В а с и л и у «Замечания об именной флексии в румынском языке» (1953, т. IV), П. К р е ц и а «Согласование времен» (1954, т. V, № 3—4), Ф. Д и м и т р е с к у «К вопросу о безличном и видовом характере глагольных оборотов» (1957, т. VIII, № 2), Ж. Б и к а «Научная техническая терминология в румынском языке XVIII в.» (1954, т. V, № 1—2), П. П. П а н а и т е с к у «Следы феодального строя в словарном составе румынского языка» (1958, т. IX, № 2), М. П о п е с к у «Продуктивные и непродуктивные суффиксы» (1958, т. IX, № 2), А. Г р а у р а «Гласный корня в сопоставлении с гласным глагольного суффикса в румынском языке» (1958, т. IX, № 3), М. А в р а м а «Морфологические средства лексической дифференциации в румынском языке» (1958, т. IX, № 3), В. А р в и н т е «Окончание множественного числа *-ăi* некоторых существительных среднего рода» (1959, т. X, № 2), Е. К а р а б у л я «Определительно-обстоятельственные придаточные предложения» (1959, т. X, № 3), П. Р и з е с к у «Обстоятельство меры и соответствующее придаточное предложение» (1959, т. X, № 3), А. А в р а м а «О причинах исчезновения определенного артикля — конечного *l*» (1959, т. X, № 3) и др.

Ряд статей посвящен вопросам диалектологии [Г. И с т р а т е «О значении диалектических исследований» (1956, т. VII, № 1—2); В. К а з а к у «О процессе дифференциации в говоре села Меря области Хунедоара» (1956, т. VII, № 3—4) и др.] и этимологическим разсказам [Э. П е т р о в и ч «Славянские притяжательные прилагательные на *-j-* в топонимике РНР» (1953, т. IV), «Этимология топонимов *Doftana, Doftenia, Doftănet, Doftănița* и слова *dohot*» (1954, т. V, № 1—2); Г. М и х а э л э «Вопросы составления этимологического словаря славянских заимствований в румынском языке» (1958, т. IX, № 2); Т. Х р и с т я «Народные этимологии» (1958, т. IX, № 4) и др.].

Славяно-румынским языковым свя-

зиям посвящены статьи чешского ученого П. Бенеша «Латинско-славянское скрещивание в форме румынского инфинитива» (1956, т. VII, № 3—4), В. Арвинте «Случай славяно-румынского двуязычия» (1958, т. IX, № 1) и В. Ващенко «Восточнославянские элементы в румынском языке (Периодизация лексических заимствований)» (1959, т. X, № 3). П. П. Бенеш выдвигает гипотезу о том, что сокращение формы румынского инфинитива, потерявшего латинское окончание *-re*, произошло под славянским влиянием в период славяно-румынского двуязычия VI—XII вв. По мнению автора, процесс скрещивания начался первоначально в глаголах славянского происхождения типа *platiti, vestiti*, в которых вследствие галогологии исчезло окончание *-ti*; это явление по аналогии распространилось на все глаголы четвертого спряжения славянского происхождения, затем — сначала на румынские глаголы четвертого спряжения, а позже — и на глаголы других спряжений, так как в сознании говорящих славянской *-ti* было равнозначно латинскому *-re*. Суффикс же *-re* широко употребляется в языке для образования отглагольных существительных от глаголов как латинского, так и славянского происхождения. В. Арвинте, рассматривая результаты длительного двуязычия у русского «липованского» населения села Думаска Ясского района, отмечает, что в результате продолжающегося свыше двух веков двуязычия в язык липован проник ряд фонетических особенностей румынского языка, главным образом молдавских говоров, и большое количество румынских слов, относящихся в первую очередь к сельскому хозяйству; однако слова эти претерпели определенные изменения, подчиняясь внутренним законам развития русского языка (например, *аканье*).

В. Ващенко отмечает, что восточнославянское влияние на румынский язык сказалось преимущественно в области лексики, и, основываясь на ряде соображений лингвистического и историческо-этнографического порядка (анализ данных исторической фонетики восточнославянских и румынского языков, данные из области ономастики, семантико-исторический критерий, словообразовательная продуктивность заимствованных слов и т. п.), предлагает установить три периода в процессе лексических заимствований румынским языком из восточнославянских: древний период (XI—XVII вв.), новый период (XVIII в. — первая половина XIX в.) и новейший период (после Октябрьской революции). Древними заимствованиями, проникшими в румынский язык устным путем в результате длительного совместного проживания румын и славян на территории между Карпатами и Днестром, автор считает в первую очередь многочисленные слова, служащие для наименования предметов материальной культуры (*coromîsliă* < укр. *коромисло*, русск. *коромысло*; *covor* < укр. и русск. *ковер*; *богаиă* < укр.

и русск. *борона* и мн. др.). К заимствованиям нового периода относится главным образом проникающая из русского языка в румынский общественно-политическая и административная терминология в связи с политическим, военным и хозяйственным переустройством Дунайских княжеств под влиянием России (*cinovnic, caznacei, ceasovoi, pojarnic, comandirovci, dopros, nabor* и др.); через посредство русского языка проникают в румынский язык также и интернациональные термины, многие из которых сохранились в языке до нашего времени (*administratie, artilerie, comisie, divizie, ofiter, pensie, sectie* и др.). К новейшему периоду относятся заимствования из русского языка советской эпохи, причем большая их часть проникла в румынский язык после перехода страны на рельсы социалистического строительства; это слова, служащие для наименования понятий, появившихся в условиях нового общественного строя (*marxism-leninism, colhoz, sovhoz, hozrasciot, partinic* и т. п.), а также интернациональные термины, главным образом из области техники (*agregat, combinat, freză* и т. п.).

Ряд статей посвящен вопросам общего языкознания. В статье В. Хомеши «Содержание морфологии и ее место в грамматике» (1956, т. VII, № 3—4), опубликованной в дискуссионном порядке, подвергается пересмотру традиционный взгляд на морфологию и на классификацию грамматических категорий и частей речи с точки зрения структурного подхода к языку. Автор предлагает чисто морфологические критерии для различения и классификации форм: 1) разница в структуре и разнообразии возможных комбинаций форм между собой, 2) согласование, 3) возможность замещения. Рассматривая в свете этих критериев именные и глагольные морфологические категории, автор устанавливает наличие категорий падежа, класса (категории рода и числа по традиционной классификации), согласования подлежащего со сказуемым (категории лица и числа традиционной классификации) и глагольной формы (категории времени, наклонения и залога традиционной классификации). Слова языка делятся на имена, глаголы, прилагательные и неизменяемые слова; артикль рассматривается не как самостоятельное слово, а как суффикс имени. Т. Казак в статье «Наблюдения и экспериментальные исследования по вопросу „контaminaции“» (1956, т. VII, № 3—4) общим термином «контaminaция» обозначает явления взаимодействия слов между собой, в результате чего слова изменяют свою форму или же свое значение, в первую очередь явления, известные под названиями аналогии и народной этимологии. Автор приходит к выводу, что все виды взаимодействия между словами являются различными аспектами одного и того же процесса, причем явления эти — результат определенного «интерпретационного процесса»; главной причиной «контaminaции» является неудовлетворительное знание языка, в частности

звукового состава и точного значения отдельных слов, как взрослыми, не владеющими литературным языком, так и детьми.

И. Котяну в статье «К вопросу об изучении артикля» (1958, т. IX, № 1) считает артикль средством экспрессивного подчеркивания имени, о чем свидетельствуют факты древнегреческого, армянского, старофранцузского, исландского, шведского и датского языков. Однако во многих языках в связи с упрощением системы склонения артикль довольно быстро утратил свое экспрессивное значение, получив взамен грамматические функции, отчего употребление артикля становится систематическим.

Проблемам общего языкознания и математической лингвистики посвящены также статьи А. Граура «К вопросу об изучении взаимосвязей между формой и содержанием слов» (1953 IV, т.) и «Символические группы в румынском фонетизме» (1959, т. X, № 2), Т. Казаку «Принцип уточнения значения слова через контекст» (1954, т. V, № 1—2) и «Аспекты речевого стиля детей» (1957, т. VIII, № 3), А. Ионашку «Морфема и морфологическая структура слова» (1957, т. VIII, № 2), Б. Казаку «О реакции говорящего на лингвистические явления» (1957, т. VIII, № 4), С. Стойкова (Болгария) «О спонтанных фонетических изменениях в языке» (1957, т. VIII, № 4). С. Стати «Синтагма и синтаксическая система языка» (1957, т. VIII, № 4) и «Латинское причастие на *-to-*» (1959, т. X, № 2), Э. Николау «Клбернетика и лингвистика» (1958, т. IX, № 4), Э. Васьлиу «Смыслоразличительные и „наполюющие“ признаки в морфематическом плане» (1959, т. X, № 1) и «Язык, речь, стратификация» (1959, т. X, № 3), П. Котяну «Объективная реальность основного словарного фонда» (1958, т. IX, № 3), И. Фишера «Еще раз об основном словарном фонде» (1958, т. IX, № 3), Э. Николау, К. Сала и А. Рочерик «Некоторые замечания об энтропии румынского языка» (1959, т. X, № 1), В. Шутеу «Замечания по поводу частоты употребления слов в произведениях некоторых румынских писателей» (1959, т. X, № 3) и др.

Большой интерес для романистов и для исследователей балканских языков представляют исследования И. Шнадбей. И. И. Руссу, А. Росетти, В. Казаку, С. Стати, Х. Михэску, П. Пордана, А. Никулеску и К. Погрк, помещенные на страницах журнала за 1957, 1958 и 1959 гг. И. Шнадбей в статье «Лексические ареалы в восточной Романии» (1957, т. VIII, № 1), отмечая, что на территории «восточной Романии» существовало несколько лексических ареалов (южнорумынский, северорумынский и др.), приходит к следующим выводам: а) в «восточнолатинском» языке существовало языковое единство при наличии, однако, многочисленных фонетических и лексических разновидностей; б) с начала V в. н. э. это единство распалось, и территория, на

которой развивался албанский язык, стала ориентироваться на запад; в) до оседания албанцев на берегах Адриатического моря область распространения албанского языка занимала промежуточное место между ареалами далматинского и румынского языков; г) можно считать доказанным постоянное пребывание албанцев, македано-румын и меглено-румын на территории к югу от Дуная; дакорумыны же являются коренным населением той территории, на которой они проживают в настоящее время.

В статье того же автора «К вопросу о восточной латыни» (1957, т. VIII, № 4; 1958, т. IX, № 1; 1958, т. IX, № 2) исследуется фонетическая система, грамматический строй и словарный состав восточной латыни; автор приходит к выводу, что в фонетической системе «восточнолатинского» имелось шесть тонических гласных (*i, e, ε, a, o, u*) и пять неударных (*i, ε, a, o, u*), два полугласных (в дифтонгах *ai, uá, yó, yú*), простые согласные *p, t, c; b, d, g; f, v; s, z; l, r; m, n*; двойные согласные *ll, nn, mm, rr*; аффрикаты *ts* (и *tʃ*). *dz.* В последующий «дорумынский» период произошло «закрытие» гласных *a, e, o* перед носовыми и изменение зубных и свистящей *s* перед *i, y* — явления, неизвестные латинским элементам албанского языка, что может служить для датировки языковых фактов «дорумынского» периода; в результате утраты конечных согласных и перехода безударных *i* и *y* в *e* и *o* большая часть падежных и личных окончаний сошла, и в целях возмещения утрат «восточнолатинский» пополнился новообразованиями по аналогии: лучше сохранилось в восточной латыни склонение местоимений. От латыни западных провинций Империи «восточнолатинский» отличался рядом черт, представлявших собой либо сохранение более древних грамматических форм, либо самостоятельные новообразования. Эволюция звуков и грамматических форм превратила народную латынь «восточной Романии» в разговорный язык с немногочисленными, но четко отличающимися друг от друга и поэтому легкими для использования формами. Социальные преобразования городской жизни привели к упрощению словарного состава, ограничившегося областью пастушеской и земледельческой жизни; одновременно в «восточнолатинский» вошел ряд заимствований, в первую очередь из греческого языка, что объясняется двуязычием большинства жителей, и из туземных языков романизованных народностей, также в результате их двуязычия. Единство «восточнолатинского» языка на территории между Балканами, Дриной и Карпатами до проникновения славян в долину Дуная указывает на существование единого типа цивилизации на этой территории в указанный период.

И. И. Руссу в статье «Иллирийские этюды» (1957, т. VIII, № 1) подвергает критике «паниллиризм», отмечая допущенные ошибки при изучении иллирий-

ской антропонимии, главным образом в «Лексиконе» Р. Крае³, где из приведенных 860 имен 500 оказываются неиллирийскими (главным образом кельтскими и италийскими). В статье того же автора «Фракийские этимологии» (1957, т. VIII, № 2) подвергаются критике некоторые ошибочные этимологии, главным образом Томашека⁴, и предлагаются этимологические объяснения (с корнем и аналогиями в других индоевропейских языках) для ряда фракийских имен собственных. В конце статьи дается список индоевропейских корней (основ), наличествующих в указанных фракийских именах.

А. Росетти в статье «К вопросу о балканском „языковом союзе“» (1958, т. IX, № 3) приходит к выводу, что сходные черты, общие элементы и направление дальнейшего развития «балканских» языков определяются тремя факторами: существованием у двух из них (румынского и албанского) общего субстрата (фракийского), совместной жизнью балканских народов, их сходным в прошлом общественным и экономическим укладом и, наконец, влиянием византийской цивилизации на Балканском полуострове и в дунайских румынских княжествах.

Статья В. Казану «Об одном спорном лингвистическом вопросе. Язык или диалект?» (1959, т. X, № 1) посвящена вопросу классификации романских наречий территории к югу от Дуная. Автор отмечает, что лингвистический критерий (генеалогическое родство) представляет собой лишь исходную точку классификации на языки и диалекты: решающая же роль принадлежит факторам нелингвистическим (историческим, социальным, политическим и культурным); большое значение приобретает (особенно в период образования наций) «осознание» говорящими своей принадлежности к тому или иному языковому коллективу.

Х. Михэеску в статье «Некоторые замечания о латинском языке придунайских провинций Римской империи» (1959, т. X, № 1) в результате изучения языка надписей и других латинских текстов придунайских провинций приходит к выводу, что в них, как правило, отражены языковые особенности, общие для всей империи, и поэтому их значение для изучения «восточнолатинского» языка оказывается весьма ограниченным. Объясняется это тем, что письменные источники имеют, как правило, книжный городской характер и не отражают языка основной массы населения, занятой земледелием и скотоводством.

С. Стати в статье «Некоторые вопросы истории румынского склонения» (1959, т. X, № 1) рассматривает вопрос происхождения окончания *-i* в им. падеже мн. числа существительных 3-го склонения и окончаний *-e* (1-е склонение) и

-i (3-е склонение) в дат. падеже ед. числа существительных женского рода. Автор приходит к выводу, что окончание им. падежа мн. числа *-i* не восходит к латинскому окончанию *-es*, а отражает в румынском (а также и в итальянском) языке факты народной латыни. Большая стабильность этого окончания в румынском языке, чем в итальянском, объясняется славянским влиянием. Окончания дат. падежа ед. числа существительных женского рода 1-го и 3-го склонений также не восходят к соответствующим латинским окончаниям. Автор считает, что в истории румынского языка существовал период, когда существительные женского рода не изменялись по падежам, а грамматические значения выражались при помощи служебных слов; существующие окончания косвенных падежей существительных женского рода представляют собой новообразования, возникшие, по всей вероятности, в результате славянского влияния.

И. Йордан в статье «Параллельные явления в синтаксисе романских языков» (1959, т. X, № 2) отмечает односторонность традиционного взгляда, приписывающего элементы, общие для всех членов данной языковой семьи, языку-основе и рассматривающего факты, характерные лишь для одного или нескольких языков той или иной семьи в качестве «заимствований» из генеалогически неродственного языка, с которым данные языки находились в контакте на определенном этапе своего исторического развития. Автор выдвигает положение, что подобные факты в ряде случаев представляют собой новшества, самостоятельно возникшие в каждом из родственных языков, в результате наличия в них объективных совершенно тождественных ситуаций. В качестве иллюстрации этого тезиса И. Йордан рассматривает синтаксические построения плеонастического характера, общие для отдельных групп романских языков: повторение именного подлежащего посредством личного местоимения (во французском и румынском языках) и повторение прямых и косвенных дополнений посредством кратких безударных форм личных местоимений (главным образом в румынском и испанском языках); при этом подчеркивается ярко выраженная стилистическая окраска первого из приведенных построений. Что касается второго из упомянутых явлений, то оно встречается также в кельтских и балканских нероманских языках. Автор приходит к выводу, что рассмотренные им синтаксические построения развились независимо в различных романских языках, без какой-либо прямой связи с латинским языком, являясь результатом «сплошного фонетического ослабления», характерного как для романских языков, так и для других языков, в которых наблюдаются подобные построения.

Статья А. Никулеску «О прямом дополнении с предлогом в романских языках» (1959, т. X, № 2) посвящена рассмотрению причин появления прямого

³ H. K r a h e, Lexikon altillyrischer Personennamen, Heidelberg, 1929.

⁴ W. T o m a s c h e k, Die alten Thra-ker, Wien, 1893, 1894.

дополнения с предлогом в отдельных романских языках и его смысловых отличий от соответствующего дополнения без предлога. В результате изучения этого явления в ряде романских языков и диалектов автор приходит к выводу, что функции конструкции с предлогом являются не только различение субъекта и объекта, когда этот последний является наименованием одушевленного предмета, но не в меньшей мере выражение определенного, индивидуального характера объекта; наличие предлога обязательно перед собственными именами, а также перед нарицательными, когда они служат для именования определенного лица, и перед личными местоимениями, которые по своей природе всегда служат для указания на определенный предмет (лицо); однако в тех случаях, когда нарицательное существительное, служащее для именования лица, не содержит указания на конкретное, определенное лицо, для выражения прямого дополнения употребляется конструкция без предлога. Причиной тесной связи между появлением предлога и личным и определенным (индивидуализированным) характером прямого дополнения автор считает синтаксические условия, в которых появилась эта конструкция: предлог был необходим для различения прямого дополнения и подлежащего переходного глагола в том случае, когда оба они имели членную форму, так как в связном изложении, за исключением начального предложения, по самым различным причинам обычный порядок слов мог быть нарушен, а это привело бы к смешению прямого дополнения и подлежащего; другим синтаксическим приемом для предотвращения подобного смешения явилось повторение прямого дополнения посредством плеонастического безударного местоимения. Высказанные соображения приводят автора к отрицанию наличия в романских языках различия между одушевленным и неодушевленным, личным и безличным; «род лица» в романских языках представляет собой, по мнению автора, лишь особый случай чувствительности этих языков к индивидуализации понятий, входящих в синтаксические отношения; поэтому его было бы целесообразнее назвать «индивидуальным родом».

Статья К. Погирк «О лексике древнемакедонского языка» (1959, t. X, № 3) посвящена вопросу о месте древнемакедонского языка в генеалогической классификации индоевропейских языков. Учитывая почти полное отсутствие данных о грамматическом строе и фонетических особенностях древнемакедонского языка, а также то обстоятельство, что засвидетельствованные древними источниками македонские слова (около 80) представляют собой случайные примеры, автор полагает,

что статистический метод, показывающий, что большинство засвидетельствованных македонских слов — греческого происхождения, в данном случае не может служить убедительным аргументом для решения вопроса о генеалогических связях древнемакедонского языка. К. Погирк считает, что для правильного решения рассматриваемого вопроса необходимо установить важность слов различных происхождений в совокупности лексики древнемакедонского языка. Анализ с этой точки зрения засвидетельствованных древнемакедонских слов, по мнению автора, показывает, что слова греческого происхождения служат для обозначения жизненно важных понятий, тогда как слова негреческого или неизвестного происхождения в подавляющем большинстве случаев относятся к периферийным слоям лексики; это ему позволяет сделать вывод, что ядро македонской лексики составляют слова, тождественные по происхождению с соответствующими греческими словами, причем значение этих слов и их специфически македонский фонетический облик в большинстве случаев исключают возможность заимствования из греческого, являясь доказательством весьма близкого генетического родства обоих языков; многочисленные лексические (а также отдельные фонетические и морфологические) изоглоссы, связывающие македонский язык с самыми различными, зачастую весьма отдаленными от него территориально греческими диалектами служат подтверждением этого родства. В качестве дополнительного аргумента автор указывает на высказывания многих древнегреческих писателей о близости македонского языка к греческому.

Ряд статей посвящен изучению языка М. Эминеску (Т. Виану, 1954, t. V, № 1—2), И. Некулче (И. Йордан, 1954, t. V, № 3—4), М. Садовяну (Г. Истрате, 1955, t. VI, № 3—4), рассмотрению взглядов писателей С. Эминеску (Г. Булгэр, 1954, t. V, № 3—4) и Б. Делавранча (А. Никулеску, 1955, t. VI, № 1—2) на язык и стиль, обсуждению понятия литературного языка (И. Йордан, 1954, t. V, № 1—2) и об орфоэпических нормах румынского языка (Б. Казаку, 1957, t. VIII, № 3). Интересна статья Г. Иванеску о взглядах Л. П. Якубинского на общеславянский и древнерусский языки (1957, t. VIII, № 2). На страницах журнала широко обсуждались материалы «Словаря современного румынского литературного языка» в процессе его подготовки к печати. В № 3 журнала за 1959 г. помещены статьи академиков А. Граура, А. Росетти и Э. Петровича, посвященные развитию румынского языкознания за пятнадцатилетие со дня освобождения от фашистского ига (1944—1959 гг.).

В. В. Каракулаков